

Сейчас репутация деревни Вэньцзячжуан оставляла желать лучшего.

Во-первых, из-за дела Вэнь Жуна и академия и уездное правление крайне презирали их поведение.

Во-вторых, осталось «последствие» после Вэнь Жуна: старший брат Цинпи был местным главарём хулиганов — как могло случиться, что его одолели простые крестьяне? Из-за этого в Вэньцзячжуане царила неразбериха, день за днём происходили всевозможные беспорядки, и слава деревни с каждым днём становилась всё хуже.

Эти две причины вместе создавали колоссальное давление на жителей Вэньцзячжуан.

А ведь это напрямую затрагивало будущее их потомков!

Особенно сильно страдали семьи главы рода и старосты деревни.

— В этом деле мы тоже поддержим тебя, — наконец произнёс уважаемый наставник У.

Именно этого и добивался Вэнь Жунь!

Если даже уездный наставник (цзяюй), чиновник восьмого ранга, так сказал, то его слова должны иметь вес.

Вэнь Жунь улыбнулся и поднял свой бокал:

— Тогда позвольте мне поблагодарить всех вас.

Остальные тоже подняли бокалы и выпили залпом.

После обеда гости постепенно стали прощаться и уходить.

Вэнь Жунь тоже вышел. У ворот его уже ждали Чэн Саньэр и Чэн Лаосы с запряжённой повозкой.

Чэн Лаосы помог ему сесть в карету.

Вэнь Жунь тихо спросил:

— Где вы отдыхали и обедали? Неужели целый день простояли у ворот?

— Нет, — честно ответил Чэн Лаосы. — Мы завели повозку в конюшню, лошади получили сено и воду. Я отнёс вещи в пустую комнату, а потом меня провели к брату — мы встретились у кухни сзади. Там нас и накормили. Вы не представляете, господин У кормит просто отлично! Нам подали белый рис, мясо Дунпо, утку в бульоне и «львиные головы» (котлеты).

В доме старика Вана тоже хорошо кормили, но там было и мясо, и овощи.

А у господина У — одни мясные блюда!

Если бы не боялись, что от выпивки работать станет труднее, наверняка подали бы и крепкого вина.

Вэнь Жунь улыбнулся:

— Отлично! Я как раз переживал, вдруг вам плохо покормили.

Хотя они сами хорошо поели в передней части дома, это ещё не значит, что слугам досталась такая же еда.

Он боялся, что тех просто угостили чашкой бульона да булочкой — тогда пришлось бы самому сводить их куда-нибудь поесть как следует.

Когда они вернулись, на улице уже стемнело. Все, кто ходил по делам, тоже вернулись. Как и ожидалось, купили кое-что: две женщины приобрели ткань, а детям — сахарные фигурки и карамель на палочках.

Малышка Ван Мэй протянула Вэнь Жуну фигурку воина из теста:

— Гэфу, это тебе! Подарок для тебя!

— А что это такое? — Вэнь Жунь взял маленькую фигурку, поднял девочку и усадил её на кан.

— Это Тяньгуань! — гордо ответила малышка, явно зная, о чём говорит.

— Тяньгуань? — Вэнь Жунь взглянул на фигурку. Хотя работа была не слишком изысканной, цвета подобраны замечательно. — Очень красиво!

— Дедушка, который делает фигурки, сказал, что это божество, дарующее удачу, — серьёзно пояснила девочка, подняв глаза. — Я дарю его тебе, чтобы у тебя было много счастья!

— Хорошо, — Вэнь Жунь погладил её по голове. — Гэфу запомнит.

— Но, гэфу, разве Тяньгуань — это тоже чиновник? — спросил мальчик Ван Цзинь, глядя на фигурку. Он не понимал: разве божества тоже могут быть чиновниками?

— Тяньгуань — это небесный чиновник, — рассмеялся Вэнь Жунь.

Он объяснил детям, кто такой Тяньгуань. В древних мифах Тяньгуань — один из небесных богов.

В даосизме почитают трёх божеств — Неба, Земли и Воды, именуемых также «Трое Правителей» (Саньгуань). Тяньгуань — один из них. Его полное имя: «Верховный Тяньгуань Первого Ранга, дарующий благословения», также известен как Великий Император Цзывэй, принадлежащий к сфере Юйцин.

Тяньгуань образован из трёх ци — синего, жёлтого и белого — и управляет всеми небесными императорами. Каждый год в пятнадцатый день первого лунного месяца он спускается на землю, чтобы определить грехи и заслуги людей, поэтому и говорят: «Тяньгуань дарует благословения».

В народе эта фраза стала распространённым пожеланием удачи и защиты от бед. Дети многого не понимали, поэтому Вэнь Жунь решил объяснить им, кто такой Тяньгуань.

Пока он рассказывал, вошла жена Чэнь Цяна вместе с мальчиком-посудомойкой:

— Я велела приготовить немного позднего ужина. Перекусите перед сном.

— Что вы ели на ужин? — спросил Вэнь Жунь, взглянув на еду.

Перед ним стояла «Пяньэрчуань» — блюдо с бульоном и лапшой, легко усваиваемое и не вызывающее тяжести в желудке.

Хотя погода всё ещё была прохладной, температура немного поднялась, и после лёгкого ужина всем стало приятно тепло, и они отправились спать.

На следующий день Вэнь Жунь снова вышел из дома.

На этот раз он направлялся в дома двух учителей.

Сначала он пошёл к господину Суню, поскольку тот прибыл в уезд на месяц раньше господина Чжао, хотя и был старше его на три года. Поэтому все договорились не считаться со стажем или заслугами, а руководствоваться исключительно возрастом.

Вот почему на следующий день все снова собрались в доме господина Суня.

Дом Суня был небольшим, двухдворным, в форме иероглифа «ту» (冂), с двумя пристройками по бокам. Старший сын Суня учился в столице, взяв с собой жену и детей, и жил там.

Второй сын учился в областном городе, также вместе со своей семьёй.

Две дочери уже вышли замуж, а младший сын остался с отцом и учился вместе с ним — в этом году он собирался сдавать экзамены на звание суйцзя (учёной степени).

Поэтому в доме остались только он сам, его пожилая супруга и младший сын. Недавно они начали присматривать невесту для младшего сына — хотели взять в дом молодую невестку.

Однако сегодня он специально освободил время, чтобы принять учеников.

Когда Вэнь Жунь и остальные пришли поздравить с Новым годом, господин Сунь был очень рад. Все собрались вместе, весело болтали и смеялись. В самый разгар веселья вошёл управляющий.

Управляющий господина Суня был когда-то его мальчиком-книжником, а позже стал его личным слугой. Они росли вместе с детства, и в доме Суней он пользовался большим уважением. Но сейчас он был явно раздражён:

— Господин, Вэнь Юань и Вэнь Лан из семьи Вэнь пришли поздравить с Новым годом, но я не пустил их за ворота.

— Ты что, совсем рассвирепел? — господин Сунь усмехнулся, не зная, плакать ему или смеяться. — Я ведь ещё ничего не сказал!

— А что тут говорить? — управляющий был совершенно уверен в своей правоте. — С такими нравственными качествами, как у них, какое право они имеют переступить порог нашего дома? Даже стоять у ворот — уже слишком много чести для них!

Остальные переглянулись: как это управляющий сам решает за хозяина?

Но господин Сунь несколько не рассердился, а, наоборот, продолжал улыбаться:

— Ладно, пусть возвращаются домой. Пусть больше не приходят.

Господин Сунь был человеком истинно прямодушным и принципиальным. В отличие от наставника У, которому приходилось думать о сохранении общего порядка и гармонии,

господин Сунь всегда открыто выражал свои чувства — любил или ненавидел без обиняков.

Поэтому он просто не пустил этих двоих в дом.

Поступок управляющего полностью соответствовал его собственным желаниям.

Он не стал винить слугу, а сразу же велел подавать ужин.

Сам же продолжал весело беседовать с учениками. На этот раз Вэнь Жунь не стал упоминать о переносе могилы.

Но господин Сунь заговорил об этом сам:

— Я уже слышал о твоём намерении перенести могилу. Не волнуйся, учитель тебя поддерживает. Это похвально — помнить о своих корнях.

Хотя ты и «выдан» замуж, будучи женщиной, всё равно помнишь о родном доме — это очень достойно.

— Благодарю вас за понимание, учитель, — Вэнь Жунь немедленно встал и поклонился.

— Однако, — серьёзно продолжил господин Сунь, — если ты будешь ссылаться на то, что «жертвоприношения не должны прекратиться», это аргумент довольно слабый. Раз ты «выдан» замуж, теперь ты уже человек семьи Ван. А если у тебя не будет потомков, кто тогда будет совершать жертвоприношения? Подумай, как устранить эту слабую сторону. Только так ты сможешь действовать вполне законно и обоснованно.

Вэнь Жунь задумался:

— В будущем я буду получать жертвы от семьи Ван... Что касается моей собственной линии... Да, действительно... Я подумаю над этим дома. Большое спасибо вам за наставление, учитель.

— Готовься основательно, — добавил господин Сунь, — а то в Вэньцзячжуане обязательно придумают повод, чтобы помешать тебе.

Он тоже начал ненавидеть Вэньцзячжуан:

— Слышал, там сейчас всё хуже некуда! Говорят, мужчины прямо на улице свистят вслед женщинам и замужним дамам. Да как такое вообще возможно!

Вэнь Жунь удивился:

— Вы уже всё знаете?

Новости распространяются слишком быстро!

— У моей супруги есть подруга по детству, — объяснил господин Сунь, — её дочь вышла замуж в южную часть города. А у тётки этой девушки есть младшая сестра, чья дочь как раз замужем в Вэньцзячжуане. Вот оттуда и дошли слухи — тамошние нравы стали совершенно испорченными.

Он был явно недоволен:

— Говорят также, что они в городе ведут себя вызывающе. Вэньцзячжуан всё больше теряет человеческий облик.

Вэнь Жунь промолчал — он просто не хотел лишний раз критиковать родную деревню.

Остальные же решили, что он молчит из уважения к месту своего рождения и воспитания, и потому воздерживается от оценок.

Вот она — истинная культура истинного учёного: джуньцзы знает, что делать можно, а чего — нельзя.

— Кстати, господин Сунь, а как насчёт уездного экзамена в следующем году...?

Разговор плавно перешёл к предстоящему уездному экзамену (фусы), и все сразу оживились.

После успешной сдачи уездного экзамена (сяньши) кандидаты получают право участвовать в уездном экзамене (фусы).

Спрашивали те, кто был уверен в своём успехе на уездном экзамене.

Фусы проводился в управлении того уезда, к которому относился кандидат, и возглавлялся префектом (чжи фу).

Процедура подачи заявок, гарантии поручителей, количество этапов и содержание экзамена были почти такими же, как и на уездном экзамене, но требовалось на одного гаранта-линьшэна больше.

Они завели об этом речь, заметив среди присутствующих нескольких линьшэнов, и надеялись, что учитель поможет с организацией гарантий.

Если успешно сдать фусы, можно будет участвовать в академическом экзамене (юаньши). А после успешной сдачи юаньши кандидат получит звание суйцая (учёного-кандидата).

Это было крайне важно для присутствующих, ведь ни один из них пока не стал суйцаем.

А вот те, кто уже имел звание суйцая, этим не интересовались — их волновал следующий шаг: провинциальный экзамен (сянши) в следующем году.

Это экзамен на звание цзюйжэня (выдающегося учёного). Успешно сдав его, можно стать цзюйжэнем!

Но сянши был чрезвычайно труден. В прошлый раз несколько человек поехали сдавать его, но лишь Вэнь Жуню удалось стать цзюйжэнем.

Когда разговор поутих, в доме господина Суня подали ужин. В отличие от дома наставника У, ужин у господина Суня оказался особенно интересным:

Большая тарелка варёной сухой лапши с тофу, прозрачный бульон с «львиными головами» (мясными фрикадельками), тушёная баранина в соевом соусе, жареная пекинская капуста с грибами шиитаке.

Супруга господина Суня родом из Сучжоу, а сам господин Сунь — из Ханчжоу.

Их вкусы оказались близки, и если бы не переезд сюда, в эту глушь, они вряд ли смогли бы угостить гостей столь подлинной хуайянской кухней.

— Какое чудесное мастерство у госпожи Сунь!

Поскольку все они были учениками господина Суня, а сама госпожа Сунь уже в возрасте — у неё даже внуки в частной школе учатся, — ей не нужно было соблюдать особую скромность. Поэтому она лично приготовила для них целый стол хуайянских блюд.

— Ах, в этом году у неё особенно хорошее настроение, вот и решила сама заняться готовкой, — улыбнулся господин Сунь. — Иначе бы всё делала наша повариха. А повариха — её молочная сестра! Не захотела расставаться с ней и вышла замуж вместе с ней в приданое, чтобы всю жизнь готовить для неё. Обычно даже я, хозяин, не смею вмешиваться в её дела на кухне!

Все дружно рассмеялись, называя повариху верной служанкой и преданной наложницей.

После ужина Вэнь Жунь выпил немного чая, ещё немного пообщался с товарищами и лишь затем попрощался и ушёл.

Дома он увидел, что все снова весело делают покупки. На этот раз привезли разные мелочи: красивые шнурки-луоцзы, изящные чехлы для вееров с вышивкой, крошечные, аккуратно сшитые кисеты... И даже для Вэнь Жуня купили сразу несколько подарков.

Вэнь Жунь с удовольствием принял все эти вещицы.

На поздний ужин подали сладкий рисовый отвар с яйцами (лаоцзао хэбаодань).

Позже Вэнь Жунь заглянул к своим двум младшим братьям:

— Денег хватает? Такая редкая возможность вырваться на прогулку!

— Хватает! — ответил Ван Цзюэ, юноша по натуре крайне скупой и бережливый. — Мы много купили, но потратили совсем немного. К тому же мы всегда торговались! Посмотри, сколько всего я накупил!

Вэнь Жуню было трудно поверить его словам, и он специально заглянул в его маленькую шкатулку для денег. Внутри действительно лежало немало медяков и мелких серебряных слитков.

Тем не менее, Вэнь Жунь добавил туда ещё десять лянов серебра:

— Не жадничайте, ребята! Хотите что-то купить — покупайте! Можно даже «Четыре сокровища кабинета» (бумагу, тушь, кисти и чернильницу). А ты, Чэнь Сюй, я знаю, что ты осторожен, когда выходишь из дома, но не бойся — отдыхай как следует, получай удовольствие!

Чэнь Сюй кивнул:

— Понял, господин.

Последние два дня Чэнь Сюй, выходя из дома, по-прежнему «гримировался» и даже перестал умываться.

Дома этот парень всегда был аккуратным и чистооплотным, следил за внешностью.

А теперь, напротив, старался выглядеть как можно неряшливее — даже волосы перестал расчёсывать!

Вэнь Жунь снова сунул ему в руки целую гирлянду медяков (одну «гуань»):

— Радуйся жизни!

На следующий день Вэнь Жунь снова отправился в путь — на этот раз к господину Чжао.

Дом господина Чжао был устроен так же, как и у господина Суня, только господин Чжао верил в буддизм, поэтому разговоры у них в основном крутились вокруг «Книги Перемен» (Ицзин) и буддийских учений.

Еду подали строго постную — всё приготовлено исключительно на растительном масле. К счастью, повар оказался мастером своего дела.

Сам господин Чжао тоже не пустил Вэнь Юаня и Вэнь Лана за порог. Привратник у него, будучи буддистом, не проявил такой горячности, как управляющий у господина Суня, но всё равно вежливо, но твёрдо отказал им во входе.

После ужина Вэнь Жунь вернулся домой.

Три дня подряд он посещал дома наставника и учителей. На четвёртый день он специально отправился в гости к семье Сюй — к Сюй Юю.

Особняк семьи Сюй был одним из самых известных мест в уездном городе.

Вся усадьба Сюй представляла собой композицию в форме иероглифа «му» (目 — «глаз»), дополненную четырьмя боковыми дворами и кольцом служебных помещений для прислуги вокруг них.

Семья Сюй была богатой и влиятельной. Вэнь Жунь пришёл в гости, и было очевидно, что Сюй Юй заранее дал указания — его быстро и учтиво провели внутрь.

Господин Сюй принимал гостей в главном зале. Честно говоря, гостей у них бывало немало, но среди них редко встречались люди, связанные с учёными кругами.

Вэнь Жунь сначала встретился с Сюй Юем у входа во флигель.

— Сначала зайдём к дяде Сюй, поздравим с Новым годом, а потом уже поболтаем с тобой, — сказал Вэнь Жунь, заметив, что Сюй Юй хочет сразу отвести его к себе во двор.

— Да-да, пойдём! Отец тебя уже давно ждёт. Говорил, что ты — самый учёный из всех гостей, и специально приберёг для тебя отличный чай, чтобы ты его оценил, — весело повёл его Сюй Юй к отцу.

Господин Сюй оказался полноватым мужчиной средних лет. Он женился рано: хоть Сюй Юю уже за двадцать, самому господину Сюй было меньше сорока. Однако одет он был чрезвычайно богато и роскошно.

Вэнь Жунь, будучи цзюйжэнем, имел особый статус и лишь слегка поклонился господину Сюй, поздравляя с Новым годом:

— Желаю вам великой удачи и исполнения всех желаний!

— Отлично, отлично! Прошу садиться, господин Вэнь! — радушно протянул руку господин Сюй, приглашая его занять место.

Но как только Вэнь Жунь увидел протянутую руку, уголки его губ непроизвольно дёрнулись...

<http://bllate.org/book/15642/1398082>